

УДК 1.16.165

М. В. Гончаренко

ПРИНЦИПЫ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ И СИНТЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОНИМАНИЯ

Представлено рассмотрение оснований, определяющих структуру понимания. Проблема принципов познания и их компетентности никогда не утрачивала своей актуальности. Синкретичность модели исследуемой реальности дает основание полагать, что именно ретенциально-протенциальные факторы, ее конституирующие, являются основными элементами как для картины мира, так и для структурируемого ею мира. Ретенциально-протенциальная обусловленность модели мира сформирована «феноменом мира».

Ключевые слова: *интерсубъективность, понимание, Э. Гуссерль, ретенциальность, протенциальность, модель, В. Соловьёв.*

Актуальность феноменологического аспекта конституирования реальности сегодня не подлжит сомнению. На данном этапе анализ принципов познания сосредоточен на исследовании когнитивной природы их оснований. Целью данной работы является рассмотрение некоторых оснований, определяющих структуру понимания и обоснование синкретичности модели исследуемой реальности. Проблема инерсубъективной природы знания неоднократно рассматривалась в работах Гуссерля, который делает вывод по поводу значимости объективности как опытной данности: знание объективно, так как общезначимо. Но трансцендентальность его не может быть сведена исключительно к объективности **опытного**, потому что не существует такого примера (критерия опыта), который обладал бы аподиктической природой: опыт, эксперимент, наблюдение – это все то, что всегда представляется для нас совершенно неоднозначно (вспомним телескоп Галилея и реакцию современников на увиденное с его помощью).

Интенциональная заданность трансцендентального его, как известно¹, не может быть эмпирически выявленной, но тем не менее именно интенциональность как атрибут сознания (с точки зрения феноменологии) «распределяет» определенным образом наше восприятие, для которого синтетическая структура является единственно возможной. Феномен интерсубъективности, так же как и феномен интенциональности, не имеет и не может иметь опытно-экспериментального подтверждения, если только не считать его опосредованное подтверждение в виде общезначимости, и именно этот принцип общезначимости делает возможной для нас следующую экстраполяцию: общезначимой является (или хотя бы какое-то время есть) не только математическая формула, описывающая какой-либо физический процесс, но и психоделическое искусство, т. е. при рассмотре-

нии / анализе произведений последнего для нас общезначимым является состояние расстройств сознания его автора и т. д. Следовательно, общезначимость как первого, так и второго порядка имеет общее основание – интерсубъективную природу (и это наделяет **объективность** мира таким дополнительным качеством, как непознаваемость познаваемого). «К бытийному смыслу мира, и в частности, природы, как объективной природы, принадлежит существование *для каждого*, что предполагается нами всегда, когда мы говорим об объективности действительности» [2], – утверждает Гуссерль.

Таким образом, конституируемая его модель (теория) мира как «феномен мира» является единственно возможным для его становлением / реализацией так называемых субъектно-объектных отношений: мир как актуальная модель, изменение и трансформация которой полностью обусловлены трансформацией интенциональности его.

Если: «Я аподиктически предпочерчено для самого себя как конкретное, наполненное индивидуальным содержанием, включающее определенные переживания; предпочерчено в горизонте как предмет, доступный возможному опыту самопознания» [2], то трансцендентальный опыт, следовательно, предопределен, но не его, так как последнее есть «некая универсальная аподиктическая структура опыта Я» [2]. Поэтому «объективировавшийся» субъект познания – это, скорее всего, репрезентация уже существующей, т. е. не созданной заново, структуры. И трансцендентальный опыт (опыт трансцендентально обусловленный) является единственно доступным для нас опытом, «обогащение» которого в бесконечности, очевидно, тоже предопределено «структурой опыта Я» (Гуссерль), причем данный опыт весьма разнообразен: он по определению не может быть задан исключительно опытно-экспериментальными критериями.

¹ «Схватывания» непрерывно переходят здесь друг в друга, они имеют границу в «схватывании», которое конституирует Теперь, но которое является только идеальной границей. ...Мы имеем и можем только иметь континуальности схватываний, или, скорее, один единственный континуум, который постоянно модифицируется», – утверждает Гуссерль [1, с. 43].

Итак, интерсубъективность как принцип общезначимости (возможно, «общепонимания») актуальна не только исключительно для возможности научного познания, но также актуальна она как дискурсообразующий феномен и для морального, религиозного, эстетического восприятия (познания). Поэтому мы не должны избегать предположения о том, что трансцендентность мира (для нас) является следствием трансцендентальности *его*: «Объективный мир как интенциональный феномен» [2].

Понятие общезначимости, с одной стороны, обусловлено понятием логичности, с другой стороны, предполагает существование (наличие / бытие) некоей реальности, постижение которой определяется логикой самой же этой реальности. При этом отождествление *логики объекта* и *логики субъекта* (т. е. специфические схемы умозаключений познающего) игнорируется и исключается на основании того, что исключается возможность отождествления реальности и модели реальности. (Тавтология как способ познания, естественно, не может быть признана, ибо тавтология, по определению, исключает познание.) Общезначимость реальности, таким образом, структурированная логически, не может допускать ненаучных принципов (принципов интуитивного познания, Откровения, мифологических представлений и т. д.), так как последние не являются общезначимыми, т. е. предполагают бесконечную возможность интерпретации. При этом пропагандистов «общезначимой реальности» не смущает фактор общезначимости аксиоматического знания.

Обратимся в данной связи к следующим рассуждениям: «Безусловная реальность познаваемого, т. е. совершенная независимость от познающего субъекта, оказывается недостижимой для нашего восприятия. Внешнее бытие предмета как таковое, т. е. как безусловно независимое от познающего, тем самым исключается из пределов познания» [3, с. 723]; и «Рассмотренные идеи (объективный мир, идеальный коррелят интерсубъективного и др. – *М. Г.*) не являются некими фантазиями, но конституируются в единстве со всем объективным опытом и обладают своими способами обретения правомерности и своими путями развития в процессе научной деятельности» [2]. Следовательно, во-первых, такие понятия, как «интенциональность», «корреляция», «экспликация» и др., актуальны не только с точки зрения опыта «объективного» мира (в аспекте позитивистской научной установки), но и с точки зрения актуализирующегося посредством конституирования мира (мира феноменов) трансцендентального *его*, по отношению к которому первый является и объектом экспликации в том числе. Во-вторых, конституирование мира и репре-

зентация каких-либо моделей (как и его элементов) возможно только на основании осознания внутреннего бытия предмета, т. е. посредством корреляции наших возможных представлений и внутренней сущности познаваемого, доступной для нашего познания. Таким образом, попытка отождествления вопроса о мире (бытии мира) и вопроса о познании мира (познании бытия мира) с точки зрения догматического реализма а priori обречена: «Каким образом сущность вещей может переходить в наше познание, этот вопрос здесь не разрешается» [3, с. 723]. Интерсубъективная природа трансцендентального *его*, впрочем, тоже исключает данное положение вещей. (Всякие попытки навязывания противоположного, как это было и остается принятым в позитивизме, как наивысшей стадии развития человечества, по Контю, *de facto* являются проявлением крайней степени иррационализма.)

В каком-то смысле границы моей, т. е. актуальной для меня, модели объективного мира – это границы моего объективного мира, конституирование которого для Я возможно: «Нам постоянно дан в своем связанном единстве один слой феномена мира, как трансцендентального коррелята непрерывно текущего согласованного опыта мира» [2].

В одной из своих работ Никифоров приводит широко распространенное мнение: «Гносеологическая оценка знания в его отношении к внешнему миру (или к его предмету) выражается фундаментальным понятием *истины*: к мнениям и верованиям эта оценка неприменима» [4, с. 71–72]. Учитывая явную переоценку известного критерия практика (в разных его вариациях), можно сказать, что постоянно существует угроза некоего «приращивания» знания как теоретической модели явления, собственно, к самому явлению; и, естественно, если данная модель определенное количество раз функционирует успешно, то происходит окончательное узаконивание тождества этой модели и самого явления. Если же все-таки обнаруживаются «разночтения», то здесь мы сталкиваемся с практикой существования неких исключений и т. д.

Следовательно, познание явления посредством создания определенной теории фактически указывает нам на то, что теоретическая модель, наделенная значением «истинно», структурирует данное явление исчерпывающе, что делает возможным автоматически не акцентироваться на проблеме самого явления и т. д. При этом совершенно не принимается во внимание и фактор синтетической природы модели явления, т. е. если некоторые (или даже все) теоретические положения имеют логическую обоснованность и соответствуют принципам научности (обозначенными ранее как рациональные), то этого недостаточно для того, чтобы все

остальные, имеющие место быть принципы «не рационального» характера, были бы проигнорированы, по умолчанию. Вернемся к феноменологическому *ἐποχή*: «Синтез, осуществленный через посредство презентаций в воспоминании, распространяется внутри всегда уже конституированного потока моих переживаний от живого присутствия в настоящем к тем или иным моментам моего прошлого и тем самым устанавливается связь между ними» [2], – делает заключение Гуссерль. То есть конституированный поток, обладая трансцендентной природой для нас, *de facto* является презентацией, по сути, трансцендентного синтеза: настоящего-прошлого-будущего, так как «конституция мира» и время этого мира (время как длительность) коррелятивны. Модель, как и теория, структурирующая мир определенным образом, является, по существу, презентацией мира (конкретного фрагмента мира) и, обладая ретенциально-протенциальными признаками, представляет собой как раз синтез ноэматического сущего и ирреального с точки зрения точечного интенционального восприятия. Таким образом, синтетическая структура восприятия обусловлена элементами, как минимум, нескольких порядков: с одной стороны, это элементы рационально/иррационального характера, а с другой – элементы бесконечного ретенциально-протенциального ряда.

Исходя из этого *трансцендирующий* аспект восприятия, структурная (многоуровневая) модель которого никогда не соответствует (и не может соответствовать) действительной репрезентации трансцендентального *эго*, может быть представлен как рациональный/иррациональный и ретенциально-протенциальный синкретизм любой модельной структуры, априорность которой не должна подлежать сомнению. К данному феномену синкретизма имеет отношение и вопрос о *несоответствии* элементов ассоциативных рядов: о невозможности тождества одного и того же явления по отношению к самому себе с точки зрения ретенциально-протенциальных отношений. Если же принимать к рассмотрению явления как элементы ассоциаций, то тем более очевидно, что принцип ассоциации, возможно, как и принцип конституирования некоего подобия (в восприятии), не может при этом обусловить реального тождества явлений: «При ассоциативном наложении тех данностей, на которых

фундирована апперцепция, возникает ассоциация более высокой степени» [2].

Таким образом, трансцендентальная обусловленность конституирования природы (ее модели) возможна посредством конституирования науки, которое, в свою очередь, имеет такую же обусловленность. Неслучайно естествоиспытатель Мах приходит к следующим умозаключениям: «Но кто сознает, что он во всякое время **может** правильно **выполнить** названную проверку, кто знает, что в случае равновесия результат должен дать в сумме нуль, а в случае движения – положительную сумму, тот **обладает** понятием “**работа**”. **Цель** понятия – разобраться в сложной путанице фактов» [5, с. 150; 6]. Из чего следует: обязательным условием любого эмпирического (как, впрочем, и теоретического) исследования является условие конвенциональности. Поэтому все попытки подобрать контраргумент к фальсифицированной верификации, представленной Соловьевым, оказывались неутешительными: «Мы видим, что представители научного эмпиризма при отсутствии настоящих оснований для утверждения неизменности законов явлений вынуждены прибегать к таким основаниям, несостоятельность которых с точки зрения эмпиризма бросается в глаза. Таково знаменитое положение, что природа однообразна и постоянна в своих действиях, – положение, совершенно равносильное аксиомам старинных схоластов о том, что природа не терпит пустоты, не делает скачков и т. п. Сама природа для эмпиризма есть не более как общее понятие, отвлеченное от действительности наблюдаемых явлений или эмпирических законов и, следовательно, не имеющее никакого собственного содержания и значения, не зависящего от этих явлений и законов» [3, с. 758–759].

Следовательно:

– конституируемая *эго* модель мира как «феномен мира» – единственно возможное для *эго* становление субъектно-объектных отношений;

– синтетическая структура восприятия обусловлена элементами рационально/иррационального характера и элементами бесконечного ретенциально-протенциального ряда;

– трансцендентальная обусловленность конституирования природы возможна посредством конституирования науки, имеющей ту же обусловленность.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994.
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. URL: <http://elenakosilova.ru/studia/Husserl.htm>
3. Соловьёв В. Критика отвлеченных начал. Минск: Харвест, 1999. 912 с.
4. Никифоров А. Л. Анализ понятия «знания»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXI. № 3. С. 61–74.
5. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.

6. Абдрозяков С. Д., Жидков А. В. Современные тенденции развития концепции технологического детерминизма // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2012. Вып. 6.

Гончаренко М. В., кандидат философских наук, доцент.

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники.

Пр. Ленина, 40, Томск, Россия, 634050.

E-mail: markgon73@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 25.01.2013.

M. V. Goncharenko

PRINCIPLES OF INTERSUBJECTIVITY AND SYNTHETIC STRUCTURE OF UNDERSTANDING

A review of grounds, determining the synthetic structure of understanding is presented in the paper. The problem of knowledge principles and their competence never lost their relevance. The syncretism of the studied reality model gives reasons to believe that exactly retential-potential factors and its constituent are the basic elements both for a world picture and for a world structured. The retential and potential conditionality of the world model is formed by the world phenomenon.

Key words: *intersubjectivity, understanding, retentiality, potentiality, E. Gusserl, model, V. Solovyov.*

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

Pr. Lenina, 40, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: markgon73@rambler.ru